

Глава 1

С то-то особенное витало в воздухе Девона, что отличало его от Эдгар-Роуд, улицы, на которой мы жили в Лондоне большую часть времени. Когда дувший с моря ветерок трепал мою шерстку, это успокаивало и в то же время бодрило. В последнее время на нас свалилось слишком много переживаний, тягостных и для моего котенка Джорджа — хотя он, наверное, сказал бы, что уже вырос и стал настоящим котом, — так что мы наслаждались заслуженным отдыхом и столь необходимой сменой обстановки.

Мы приехали на двухнедельные каникулы в загородный дом нашей человеческой семьи, коттедж «Морской бриз» в Линстоу, в Девоне. Человеческая семья — это Клэр, Джонатан и их дети, Тоби и Саммер. А в нашей кошачьей семье, помимо меня и моего сына Джорджа, есть еще и Гилберт, постоянно проживающий в коттедже «Морской бриз». Он появился там задолго до нас и со временем стал одним из наших самых близких друзей. Мы виделись с ним реже, чем хотелось бы,

но нам всегда было весело вместе. Гилберт, еще более независимый, чем мы с Джорджем, привык к самостоятельной жизни и много лет до знакомства с нами сам добывал себе пропитание. Честно говоря, мы с Джорджем — избалованные коты, и я бы не хотел другой жизни.

Это не значит, что мне всегда жилось легко. Одно время я тоже был бездомным, и мне приходилось самому о себе заботиться. Маргарет, моя прежняя хозяйка, умерла, когда я был совсем юным, оставив меня одного и с разбитым сердцем. Так я стал приходящим котом — меня привечают в разных домах и семьях, что дает немало преимуществ, уж поверьте. Но об этом позже. Некоторое время я скитался по улицам, но, к счастью, нашел дорогу на Эдгар-Роуд, где и познакомился со своими нынешними семьями.

Джордж еще котенком поселился в моей основной семье, ему никогда не приходилось бродяжничать. Он гораздо более избалован, чем я, но у него доброе сердце, и я люблю его больше всех сардинок на свете.

Этот год выдался очень тяжелым для нас с Джорджем. Моя подружка, кошка Тигрица — Джордж считал ее своей мамой, — заболела и умерла еще до Рождества. Мы до сих пор оплакиваем эту потерю. Я не думаю, что можно когда-нибудь перестать скучать по тем, кого любишь, а мне довелось и любить, и терять. Но мне как приходящему коту повезло, потому что рядом со мной много людей — Клэр и Джонатан и их дети — Тоби и Саммер; Полли, Мэтт и их дети, Генри и Марта; Франческа, Томаш и их сыновья —

Алексей и Томми. Очень скоро вы встретитесь с ними.

Этот год во многом оказался несчастливый, но он научил нас тому, что жизнь продолжается и нужно жить дальше, несмотря на печаль в сердце.

— Идея! Почему бы нам не прогуляться в дюнах? — предложил Джордж.

— Кто последний — тот собака! — прокричал Гилберт, присоединившийся к нам на берегу, и рванул вперед, а мы побежали следом за ним. Я еле дышал, когда взлетел на вершину дюны чуть позже Джорджа и Гилберта.

— Не вздумайте называть меня собакой, — предупредил я, прищурившись, и они оба рассмеялись.

— Я собираюсь съехать вниз на заднице, — объявил Джордж, и его беззаботный голос наполнил меня счастьем. Он завалился на спину и попытался скатиться вниз, но вот беда — песок не скользит, он зернистый и прилипает к шерсти как клей. Я подошел к Джорджу и попытался слегка подтолкнуть его лапой, но споткнулся о его хвост и упал почти ему на голову.

— Уоу! — взвыл я.

— Пап, ну ты даешь, — заметил Джордж, когда мы оба покатались вниз. Было немного страшно, но нам удалось скатиться к подножию холма одним клубком.

— Как весело, папа! — воскликнул Джордж, напоминая мне о том, что, хоть он и быстро рос, но все равно оставался котенком. Моим котенком. — Давай еще раз!

— Дай отдышаться, — взмолился я. Меня уж точно не назовешь котенком, но ради Джорджа я сделал бы что угодно.

— Будет тебе, Джордж! — крикнул сверху Гилберт. — Дай Алфи прийти в себя. Я могу скатиться вместе с тобой, это действительно выглядело забавно.

Мы провели остаток вечера в играх — катались с дюн, резвились, наслаждались песчаным пляжем, обретая столь необходимый покой. Этот вечер вернул нам забытое ощущение радости.

Не только мы с Джорджем нуждались в отдыхе в Девоне, но и вся наша семья. Джонатан недавно получил повышение по службе, что, конечно же, радовало, но это означало, что отныне ему предстояло работать еще больше и усерднее. Клэр посоветовала ему принять повышение, но в то же время беспокоилась, понимая, чем это обернется для нашей семьи. Она поддерживала мужа, ведь все мы знали, что Джонатан старается только ради нас, чтобы нам с Джорджем доставалось еще больше сардинок, чтобы дети учились в хороших школах (что бы это ни значило), а Клэр ездила на новой машине. Так что эти каникулы снова собрали нас вместе как любящую семью. Не без проблем, конечно, — но ведь семей без проблем не бывает. Это еще одна истина, которую я узнал на собственном горьком опыте. И как-то ночью, когда дети уже спали, я услышал разговор Джонатана и Клэр, из которого понял, что они оба немного нервничают из-за нового назначения, не зная, как будут справляться с домашними делами, когда Джонатану придется больше времени посвящать работе. Я старался сохранять спокойствие, хотя

это нелегко — ведь я переживаю за всех, кого люблю.

Во время каникул Клэр, Джонатан и дети устраивали пикники на пляже, пешие и велосипедные прогулки. Джордж пытался увязаться за ними, забравшись в корзину, но все время выпрыгивал на руль велосипеда Тоби, так что Клэр запретила ему эти поездки. Пока люди наслаждались своими приключениями, мы развлекались по-кошачьи. Гилберт оказался довольно активным котом и часто брал нас с собой на так называемые загородные прогулки. Правда, это было больше похоже на пробежки через поля и первая вылазка едва не стоила нам жизни — стадо овец загнало нас в угол, мы еле выбрались. Гилберт и Джордж лазали по деревьям, пока я оставался в безопасности на земле, и, конечно же, мы бегали по пляжу — в основном по вечерам, когда берег был в нашем полном распоряжении. Уход Тигрицы настолько выбил меня из колеи, что я даже не осознавал, насколько мне необходима смена обстановки. Клэр говорила, что Девон бодрит как тоник, и она не ошиблась — только здесь я почувствовал, что могу дышать полной грудью, впервые с тех пор как потерял любимую.

По вечерам в коттедже Клэр готовила еду, Джонатан отдыхал, дети, утомленные прогулками, крепко спали. Иногда приходили соседи, или кто-то оставался присматривать за нами, если Клэр и Джонатан выбирались в местный паб. Мы подружились с некоторыми семьями в деревне, и «Морской бриз» стал для нас вторым домом. Даже соседка Андреа, раньше пытавшаяся выжить нас из деревни, стала теперь нашим другом. Все могло

закончиться пожаром в «Морском бризе», но, к счастью, мы с Гилбертом сорвали коварный план и спасли коттедж. Да-да, именно так. Это очень длинная история, но у Андреа, после того как ее бросил муж, появился ухажер, Фред, очень веселый человек, и все были согласны с тем, что рядом с ним Андреа стала куда более приветливой и милой. Жаль, что этого нельзя сказать про ее кошку Шанель. Шанель, первая любовь Джорджа, была злой и недружелюбной, и бесконечная преданность ей Джорджа тревожила меня не на шутку. К счастью, он перерос это детское увлечение и теперь видел в ней только сварливую кошку, какой она всегда и была. Несмотря на то, что теперь наши семьи дружат, Шанель все так же шипит на нас, когда мы попадаемся ей на глаза. К сожалению, не всем дано быть добрыми и не все хотят дружить. Я — за дружбу, Джордж тоже, как и все мои люди, но о Шанель этого не скажешь. К счастью, Джордж научился обходить ее стороной. Ее шипение хуже укуса, хотя мы никогда не подходили достаточно близко, чтобы проверить.

— Что ж, уже поздно. Пора возвращаться домой, не то Клэр будет волноваться, — сказал я, измученный кувырканьем и по уши в песке.

— Хорошо, но мы ведь еще придем сюда поиграть, правда? — спросил Джордж.

— Если будешь хорошо себя вести, — ответил Гилберт, подмигивая мне.

— Мне, возможно, понадобится день или два, чтобы отдохнуть. Я не такой юный, как ты, Джордж, — заметил я.

— Но и не такой уж старый, — тут же ответил он. Мы с Гилбертом переглянулись. Оставшись без

матери, Джордж очень боялся потерять и меня. Это вполне естественно, но я не собирался покидать его. У кота Алфи еще несколько жизней в запасе.

— О, вот и вы, мальчики, — сказала Клэр, когда мы вышли на кухню, после того как стряхнули песок, хотя, как водится, и не весь. Когда мы возвращались из «Морского бриза» в Лондон, песок приезжал вместе с нами.

— Мяу, — произнес я в знак приветствия, и мы трое направились к нашим мискам с ужином.

— Мы с Джонатаном собираемся посмотреть фильм. Хотите с нами? — предложила она. Мне очень нравилось, что Клэр всегда говорила и обращалась с нами так, будто мы тоже люди. Конечно, мы, кошки, умнее большинства двуногих, но я все равно это ценил.

— Мяу, — сказал я. Что может быть лучше, чем закончить день, уютно устроившись на диване перед телевизором?

Мы поужинали, привели себя в порядок и направились в маленькую гостиную. Гилберт забрался в свое любимое кресло, а мы с Джорджем свернулись посреди дивана — на самом удобном месте.

— Клэр, тут даже сесть негде, коты заняли весь диван, — проворчал Джонатан, втискиваясь в то небольшое пространство, которое мы оставили для него.

— Ничего не поделаешь, дорогой, — ответила Клэр, целуя его в щеку и пытаясь подвинуть нас. Мы с Джорджем притворились спящими, и ей пришлось сесть на пол у ног мужа.

Глава 2

— Завтра возвращаемся на Эдгар-Роуд, сынок.

Я пытался скрыть печаль от того, что наш отдых в Линстоу подходит к концу. Я любил бывать здесь, мне нравилась смена обстановки, и очень нравилось общаться с Гилбертом, видеть мою семью такой спокойной. Я уж не говорю об удовольствии от прогулок на пляже! Кажется, я даже полюбил песок. Хотя нет, я стал терпимее к нему, однако меня по-прежнему бесит, что он прилипает к шерсти и потом так трудно привести ее в порядок. Но я любил смотреть на закат, слушать успокаивающий шум волн, мягко накатывающих на берег, так что с песком придется смириться.

— Знаю, папа. Я рад, что возвращаюсь, ведь мы увидим наших друзей и, самое главное, Хану, но я буду скучать по этим местам и, конечно же, по Гилберту.

— Я тоже, но не успеешь оглянуться, как мы опять сюда приедем. — Все наши лондонские семьи пообещали однажды приехать сюда на каникулы

вместе, и я с нетерпением этого ждал. Собирая всех своих любимых под одной крышей, я чувствовал себя самым счастливым котом на свете. Конечно, коттедж становился многолюдным и шумным, но я бы ни на что не променял эту суету.

— Но... — Джордж замолчал и как будто погрузился. — Мы в первый раз вернемся на Эдгар-Роуд и не увидим Тигрицу. — Его голос дрогнул, и мне тоже стало больно. Я уткнулся в него носом, чтобы утешить.

— Знаю, сынок, — сказал я. Гилберт посмотрел на меня и ободряюще моргнул. — Непривычно будет не поделиться с ней впечатлениями об отдыхе, но мы все равно сможем все рассказать ей.

Воспоминания вернули боль, которую я испытывал всякий раз, когда проходил мимо дома Тигрицы, — как будто от удара ножом в самое сердце. Иногда я по привычке поджидал ее возле кошачьей дверцы, хотя знал, что она никогда больше оттуда не выйдет. Горе не утихало. Но я был взрослым и считал своим долгом помочь котенку пережить время скорби.

Теперь я узнал, что невозможно защитить своих детей от потерь. Никто не в силах уберечь их от всего плохого в этом мире. Однако любой родитель может постараться помочь ребенку справиться с трудностями на жизненном пути. Забота о детях помогает понять, как сильно вы можете любить, и одновременно с этим вы узнаете, что вашим возможностям есть предел. Как бы вы ни старались, вам не удастся контролировать саму жизнь.

Закончился последний вечер наших каникул, наступила ночь. Я думал обо всех, кого любил

и потерял. Боль не становится легче, но со временем к ней начинаешь привыкать.

— Джордж, помнишь, как мы в первый раз прошли мимо дома Тигрицы, зная, что ее там нет?

— Да, это было ужасно.

— А во второй раз, когда ее не было с нами на Рождество?

— Было тяжело.

— Да, это так, но я хочу, чтобы ты понял: с каждым разом будет легче, — уверенно сказал я.

— Но тогда получится, что мы ее больше не любим? — спросил Джордж.

— Нет, мы любим ее так же сильно, как прежде, но понимаем, что нужно привыкнуть к тому, что ее больше нет с нами, — объяснил я.

— Видишь ли, Джордж, — вдруг заговорил Гилберт, — скучать по тем, кто тебе дорог, — это нормально. Я скучаю по тебе, когда ты уезжаешь из Линстоу, но жизнь продолжается, и, когда накатывает тоска, я просто вспоминаю, что ты говорил, как смешил меня, и становится легче. Я как будто чувствую, что ты рядом со мной.

Слова Гилберта растрогали меня до слез.

— Я все время думаю о маме-Тигрице, — сказал Джордж.

— Смотри! — взволнованно воскликнул я и вскочил. На небе высыпали первые звезды. — Посмотри на ту яркую звезду. Что ты видишь?

— Это она, я знаю. — В голосе Джорджа зазвучала радость. — Теперь я могу рассказать ей о том, как чудесно мы провели каникулы. — Я кивнул, и он приступил к рассказу. Мы с Гилбертом просто наблюдали, не мешая ему разговаривать с мамой на небесах. Я старался не думать